

УДК 882(09)

**СИМВОЛИКА ИНФЕРНАЛЬНОГО В РАССКАЗАХ М. ГОРЬКОГО
О «БЫВШИХ ЛЮДЯХ»**

© 2011 г.

В.А. Ханов

Нижегородский государственный педагогический университет

vakhanov@mail.ru

Поступила в редакцию 28.12.2010

Рассматривается символика инфернального в рассказах М. Горького о «бывших людях», дан анализ ассоциативного образа преисподней, выявлена аллюзивная соотнесенность образов «бывших людей» с отрицательными персонажами библейской и славянской мифологий.

Ключевые слова: Горький, символика, инфернальное, аллюзии, ассоциации, мифология, апокрифы.

Одним из важнейших направлений в современном горьковедении является изучение творчества М. Горького сквозь призму фольклорно-мифологических традиций. Как справедливо подчёркивает Л.А. Спиридонова, «изучение творческого метода Горького фактически начинается заново. Но уже сегодня ясно, что понять его эволюцию невозможно без изучения мифопоэтической основы, на которой он базировался» [1, с. 12]. Мифопоэтическую основу имеют, в частности, рассказы Горького о «бывших людях».

Известно, что в рассказах о «бывших людях» Горький, заостряя внимание на таких чертах босяцкой психологии, как гордость, презрение к благам жизни, стремление к свободе, показывает, что человеческое сохраняется в человеке на самом «дне» жизни. Тем не менее писатель хорошо осознавал, что «русский босяк – явление страшное, страшен человек этот невозмутимым отчаянием своим, тем, что сам себя отрицает, извергает из жизни» [2, т. 29, с. 148].

Изображая людей, «извергающих» себя из жизни, Горький зачастую обращается к *символике инфернального* (здесь и далее курсив мой. — В.Х.). Показательно в этом отношении хотя бы описание ночлежки Кувалды в рассказе «Бывшие люди»: «Внутри ночлежка – *длинная, мрачная нора*; она освещалась – только с одной стороны – четырьмя маленькими окнами. Кирпичные стены её *черны* от копоти, потолок тоже прокоптел до *черноты*. От стен пахло дымом, от земляного пола – *сыростью*» [2, т. 3, с. 178]. В жилище «бывших людей» мало света, здесь трудно дышится. Не может быть достойным человека дом-нора, дом-яма. Такое жилище – средоточие и порождение тёмных начал, свидетельство антигуманного социального бытия.

С изображением ночлежки Кувалды во многом сходно описание пекарни, в которой трудятся герои рассказа «Коновалов»: «Пекарня помещалась в подвале со сводчатым потолком, её три окна были ниже уровня земли. Света мало, мало и воздуха, но зато *много сырости и грязи*» [2, т. 3, с. 8]. Подмечает писатель и то, что «сводчатый закопчённый (значит «чёрный». — В.Х.) потолок пекарни давил своей тяжестью» (там же). Герои рассказа «Супруги Орловы» тоже обитают в подвале. Их жилище – «*тёмная и сырая дыра*, из которой *пахнет плесенью*». Даже двор, в котором живут Орловы, «кажется глубокой *ямой*».

В приведённых примерах явно присутствует символика инфернального. В виде пещеры с тяжёлыми каменными сводами нередко изображается преисподняя в иконописи и в апокрифах. По мифологическим представлениям, грешники на «том свете» мучаются в *мрачных погребках, ямах*. Вот что по этому поводу писал исследователь отречённых книг Н.С. Тихонравов: «Будущие наказания грешникам представлялись в виде заключения в *погребках*, в которые не попадает с земли свет <...>. В русских сказках злая жена падает в бездонную *яму* и попадает к чертям в преисподнюю» [3, с. 195].

Характерно и то, что в представленных картинах из рассказов Горького доминирует *чёрный цвет*. А из всех цветов у чёрного – самая конкретная и однозначная символика. Чёрный означает принадлежность к губительным силам хаоса – это мрак, тьма [4, с. 128]. Чёрный цвет (=тьма) является важнейшим признаком ада. Так, в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» Пресвятая Богородица видит многих грешников, которые «*во мраке злом* находятся», видит «*тьму великую*» [5, с. 169]. Н.С. Тихонравов отмечает, что, по народным представлени-

ям, «неверовавшие в Бога мучаются в тёмных и смрадных колодцах <...>. В аду над неверовавшими в Христа лежит глубокая тьма» [3, с. 205].

В приведённых сценах важным является и указание на *сырость* в жилищах босяков: сырость столь же характерна для преисподней, как тьма и холод.

Аллюзии inferнального вызывают в изображении Горького и *каменные стены* подвалов, в которых ютятся «бывшие люди». Так, писатель обращает внимание на «кирпичные стены» ночлежки Кувалды, говорит о «каменных стенах» ямы – пекарни, в которой ему пришлось повстречаться с Коноваловым. С описанием этого сумрачного, заполненного мучной пылью подвала сходно изображение пекарни в рассказе «Двадцать шесть и одна»: «...каменная коробка под низким и тяжёлым потолком».

Камень – универсальный знак упразднения, вычёркивания из жизни [6, с. 124]. Смерть по природе своей губит жизнь, живое обращая в камень. Примечательно, что славянские космогонические апокрифы связывают холмы, горы (камень) с деятельностью сатаны. Вот что об этом пишет исследователь славянской мифологии А.Н. Афанасьев: «Господь сотворил ровные места и путисные поля, а сатана понаделал непроходимых пропастей и высоких гор» [7, с. 462].

Камень может быть орудием убийства: в апокрифе «Исповедание Еввы» именно дьявол научил Каина, не умевшего убивать, ударить Авеля камнем. Так же описывается первоубийство и в «Повести временных лет»: «И восстал Каин на Авеля и хотел убить его, но не умел это сделать. И сказал ему Сатана: «Возьми камень и ударь его». Он взял камень и убил Авеля» [8, с. 261]. Данный мотив звучит у Горького в рассказе «Челкаш». Гаврила (земледелец, как и Каин!) пытается убить Челкаша камнем, а вернувшись к поверженному босяку, кается: «Брат!.. дьявол это меня». Очевидно, не случайно и то, что Гаврила и Челкаш называют друг друга «брат». Горький на данном обращении делает особый акцент.

Итак, жилища босяков – это, прежде всего, символ ненормальной жизни, символ бездомности, неприютности. Дома как такового у «бывших людей» нет. Они живут в помещении, а не в доме, и это важная художественная деталь. В народной культуре «дом» – средоточие основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода. Его важнейшая функция – защитная, поскольку «дом противопоставлен окружающему миру как простран-

ство закрытое – открытому, безопасное – опасному, внутреннее – внешнему». [9, с. 168]. Жилища босяков – подвалы, ямы, конуры – всем этим не обладают. В художественном сознании Горького они ассоциируются с «тем светом», где властвуют тёмные начала.

К символике inferнального Горький обращается и при описании внешности босяков. Почти все «бывшие люди» обладают какими-либо физическими недостатками. К примеру, Аристид Кувалда – это «длиннорукий, колченогий человек, с рябым, опухшим лицом». Тряпичник Тяпа держит голову так, что подбородок упирается ему в грудь, поэтому «его тень напоминает своей формой кочергу». Босяк Полтора Тараса «костляв и крив на левый глаз».

По мифологическим представлениям физическая ущербность, особенно *хромота и сутулость*, являются признаками «нечистого». Так, в одной из легенд говорится, что «дьявол тщится создать человека, подобного сотворённому Богом, но у него получается волк, которого оживляет Бог. Волк откусывает дьяволу часть ноги, поэтому *он хром*» [10, с. 348]. Исследователь С.М. Толстая, касаясь облика нечистой силы, отмечает, что в народной культуре «распространён антропоморфный облик нечистой силы (в виде старика, старухи, женщины, мужчины), однако с постоянно выраженным некоторым аномальным для человека (звериным) признаком; чаще всего это: остроголовость, рогатость, *хромота*» [11, с. 272]. Разумеется, «бывшие люди» в изображении Горького не являются «представителями» Сатаны, но им далеко и до святых.

Заметим, что среди босяков, изображаемых Горьким, есть и красивые люди. Но, как правило, красота таких «бывших людей» – это красота хищников. Таков, к примеру, Григорий Орлов. Рисуя его портрет, Горький пишет: «Гришка был сильный, красивый <...>. Над его большим хрящеватым носом почти срастались густые брови, из-под них смотрели всегда беспокойно горевшие, чёрные глаза». Во внешности Григория Орлова есть нечто от орла – гордой и хищной птицы. Черты хищника писатель отмечает и в портрете Челкаша, героя одноименного рассказа: «острое, хищное лицо», «горбатый, хищный нос». Автор сравнивает Челкаша со степным ястребом. Почти такими же словами, как и Григория Орлова, Горький изображает Ларру, героя рассказа «Старуха Изергиль»: «...с ней был юноша, красивый и сильный». Сын женщины и орла тоже воплощает в себе хищнические начала, «звериный индивидуализм».

Характерно, что для Горького «орёл – хищник, питающийся кровью и мясом людей» [12, с. 254]. Причём сближение образа орла, обладающего амбивалентными свойствами, с силами зла и смерти не является прихотью писателя, оно присуще и мифологическим представлениям. Непосредственно образы *орла и смерти* связаны, в частности, в Новом Завете. Так, в Евангелии от Матфея сказано: «где будет труп, там соберутся орлы» (Мф. 24:29). Мифологический змей – властитель царства мёртвых – может принять вид птицы, чаще всего – *орла*, а, ударившись о землю, может оборотиться в *красивого парня* [13, с. 196]. Известна также загадка о смерти, которую приводит А.Н. Афанасьев: «Стоит дерево, на дереве цветы, под цветами котёл, над цветами орёл – цветы срывает, в котёл бросает. Дерево – мир, цветы – люди, орёл – смерть, котёл – гроб» [14, с. 528].

Общность Григория Орлова и Ларры, заявленная в их внешности, отчасти в номинации, реализуется и далее: в характерах, поступках, в тоске, которой можно отравить весь мир, в стремлениях к возвеличанию и т.д. Разумеется, свойственны Орлову и романтические порывы. Так, он мечтает совершить подвиг, освободить Русь от холеры. Но в итоге Орлов приносит окружающим лишь боль и страдание, беспорядочно пьёт, потому что водка «гасит сердце», и оказывается в одной из городских трущоб.

Внутренний мир Григория Орлова, конечно же, социально детерминирован и разработан глубже, чем внутренний мир Ларры. Но общие принципы изображения этих «героев» вполне соотносимы. На близость Григория Орлова и Ларры в своё время обратил внимание Н. Михайловский. Назвав Сокола, Данко, Ларру «очищенными от грязи босяками», он, в частности, заметил, что «злодейские подвиги» Орлова «в коллекции очищенных босяков предоставлены Ларре» [15, с. 367].

«Злодейские подвиги» совершают у Горького многие босяки: Челкаш («Челкаш»), Шакро («Мой спутник»), Артём («Каин и Артём»)… Среди них особо выделяется Промтов из рассказа «Проходимец».

Уже в самом начале рассказа Горький связывает Промтова с началами *тьмы и зла*. Встреча повествователя с Промтовым происходит в тёмную, сыякотную ночь, наполненную завываниями ветра: «А погода была скверная: сыпался мелкий холодный дождь, грязная земля была *плотно окутана тьмой*. Иногда откуда-то налетал порыв ветра; он *тихо выл* в ветвях деревьев». В приведённой картине важное значение имеет не только *образ тьмы*, но и *образ*

ветра. Завывание, свист ветра – знак хаоса, разрушительных сил, одно из проявлений и свойств сатаны. С ветром связывается появление ведьмы и чёрта. Как отмечает А.Н. Афанасьев, кое-где считалось «грехом даже упомянуть слово «ветер», которым называли нечистую силу» [14, с. 133]. Он же подчёркивает, что, по народным представлениям, злые духи «любят свистеть и шипеть» [16, с. 136].

Горький обо всём этом, конечно же, имел хорошее представление. Так, в рассказе «О чёрте» заглавный герой чёрт, «шляясь по кладбищу среди могил», «весело посвистывает». В рассказе «Калинин» герой-повествователь с интересом выслушивает легенду «христоробивого странника» о происхождении ветров на море, над которым начальствует «бес Змиулан». Змей (в христианской традиции дьявол) «генетически» связан с водой, сыростью, в более широком смысле – со смертью. Известны приведённые А.Н. Афанасьевым предания о чертях, посыпавшихся с неба вслед за сатаной и упавших в реки, озёра, болота [7, с. 462]. Используя этот мотив в поэме «Девушка и Смерть», Горький пишет:

А в болоте бесятся, ликуя,
Упыри, кикиморы и черти.

С водой, сыростью связан у Горького и «весёлый пройдоха» Промтов, с которым герой-повествователь (как уже было отмечено) повстречался дождливой, сыякотной ночью. Неоднократно говорит автор и о весёлом свисте Проходимца: «Пройдя несколько шагов, он *стал насвистывать* какую-то весёлую песню». И далее: «Промтов был весел, пел, *свистел* и иронически поглядывал на меня».

В рассказе «Проходимец» ситуация складывается следующим образом: герой-повествователь, промокший до последней нитки, получив отказ в ночлеге *и посланный к «чёрту»*, решается переночевать под полом сельского магазина. Здесь в тёмной узкой щели, куда можно было лишь проползти, и происходит его неожиданное знакомство с Промтовым. Мрачная дыра под полом, в которой было нестерпимо холодно, предстаёт в рассказе как преисподняя, «хозяйном» её и является Проходимец. Даже в его облике есть нечто зловещее: «Папироса освещала его лицо *красноватым светом*. Около глаз и на лбу у этого человека было *много глубоких, тонко прорезанных морщин*». Изрезанное морщинами «бледное лицо с чёрной бородкой» вызывает явные ассоциации с обликом дьявола, «страшного и внутренне мёртвого властолюбца» [17, с. 414].

В приведённом эпизоде существенным является и указание на *красноватый свет*: стихия

огня, красного цвета столь же характерна для ада, как стихия тьмы, холода и сырости. Вот что по этому поводу пишет Н.С. Тихонравов: «На миниатюрах рукописей, содержащих описания загробного царства, Страшного суда, постоянно изображается «лютый мраз» в виде озера, *красного, как огненная река*» [3, с. 209].

Сближение Промтова с разрушительной дьявольской силой продолжается и далее. Говоря о себе и ему подобных, Промтов заявляет, что «наш брат Исакий» монахами уважается. Выражение «наш брат Исакий» восходит к «Печерскому патерику». В слове «О преподобном Исакии Печернице» рассказывается о том, как Исакий, будучи искушаем бесами, принял бесовские наваждения за предзнаменование Христово и поклонился бесовскому действу. Бесы же кричали ему: «Наш Исакий!» [18, с. 128]. Не имея никаких нравственных устоев, отвергая всякие принципы морали, Проходимец как бы поклоняется тёмным силам.

Более того, свою родословную Промтов прямо ведёт от Агасфера. На вопрос собеседника «скажите мне: кто и что вы?» он отвечает: «На свете есть особый сорт людей, родившихся, должно быть, от Вечного жида. Особенность их в том, что они никак не могут найти себе на земле места и прикрепиться к нему». Согласно средневековой легенде, во время страдальческого пути Иисуса Христа на Голгофу один из толпы, некто Агасфер, оскорбительно отказал ему в кратком отдыхе и за это был обречён на вечные скитания, стал Вечным жидом [19, с. 34]. На скитания обречён и Промтов, от которого за его «похождения» отказались все знакомые. «Аз есмь перекаати-поле», – заявляет Проходимец.

Промтов далеко не глуп. Но свой ум он направляет во вред окружающим, так как не верит в благость бытия. Он прямо говорит: «Как ни живи – а все-таки умрёшь». По словам Горького, Промтов является воплощением «животного эгоизма». Вот поэтому общение «проходящего» с Промтовым наталкивает на сравнение последнего с хищным и безжалостным зверем – *волком*. Этот образ не раз возникает в повествовании: «пожал плечами этот волк», «скептически усмехнулся этот волк», «волк прав» и т.д.

Заметим, что с волком Горький неоднократно сравнивает и грубого себялюбца Шакро, главного героя рассказа «Мой спутник»: «...когда он сердится, то оскаливает зубы, как волк»; «мой спутник по-волчьи щёлкал зубами». Героя-повествователя поражает в Шакро ярко выраженное *животное начало*: «Глаза его

разгорались *неприятным, жадным, животным огнём*». Со «старым травлёным волком» сравнивает писатель и Челкаша.

Думается, что уподобление Промтова волку не случайно: обращение Горького к образу безжалостного хищника снова вызывает аллюзии inferнального. По одному из сказаний, волк создал сатана [10, с. 348]. В символике волка основной признак – «чужой». Волк соотносится с мёртвыми предками, «ходячими покойниками». В заговорах говорится, что он бывает у мёртвых на «том» свете. Ему присущи функции посредника между людьми и нечистой силой. Опасным считается даже упоминать волка, чтобы тем самым не накликал его [20, с. 412]. Синонимической заменой слова «волк» в контексте часто выступает слово «зверь». Именно волчьи, звериные качества присущи Промтову.

Итак, в рассказах о «бывших людях» Горький активно обращается к символике inferнального, тем самым усиливая впечатления о тяжёлой жизни босяков. Его герои ютятся в подвалах, ямах, мрачных норах, аллюзивно соотносимых с преисподней. Во внешности «бывших людей» писатель тоже отмечает черты, свойственные представителям тёмных сил. Раскрывая «звериный индивидуализм» босяков, Горький сближает их с отрицательными персонажами библейской и славянской мифологий. Выявление «родовой принадлежности» «бывших людей» позволило писателю подчеркнуть их неверие в творческую энергию и разум человека, усилить их обречённость.

Список литературы

1. Спиридонова Л.А. Мифопоэтическая основа художественного мира Горького // Максим Горький – художник: проблемы, итоги и перспективы изучения. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2002. С. 3–12.
2. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М.: Худож. лит., 1955. Т. 29. 670 с.
3. Тихонравов Н.С. Сочинения. М., 1898. 358 с.
4. Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах // Вопросы славянского языкознания. Вып. VI. М., 1962. С. 110–135.
5. Памятники литературы Древней Руси: XII век. М.: Худож. лит., 1980. 704 с.
6. Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 120–131.
7. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1868. Т. 2. 788 с.

8. Повесть временных лет. М.–Л.: Академия наук СССР, 1950. 406 с.
9. Топорков А.Л. Дом // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 168–169.
10. Петрухин В.Я. Сатанаил // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 347–348.
11. Толстая С.М. Нечистая сила. // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 271–274.
12. Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1969. Т. XII. 433 с.
13. Слащёв В.В. Змей // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 196–197.
14. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1865. Т. 1. 800 с.
15. Михайловский Н.О. О г. Максиме Горьком и его героях // Максим Горький: pro et contra. СПб.: РХТИ, 1997. С. 325–380.
16. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1869. Т. 3. 840 с.
17. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. 720 с.
18. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.
19. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. 671 с.
20. Гура А.В. Волк // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 103–104.

THE SYMBOLISM OF THE INFERNAL IN M. GORKY'S STORIES ABOUT «FORMER PEOPLE»

V.A. Khanov

The symbolism of the infernal in Maxim Gorky's short stories about "former people" is examined. An analysis of the associative image of the nether world is given, correlation of allusive imagery of "former people" with negative characters in the Biblical and Slavic mythologies is revealed.

Keywords: Gorky, symbolism, the infernal, allusions, associations, mythology, apocryphal stories.